

ГЛАВА 1

Выходить из анабиоза непросто. Сознание возвращается урывками, с длинными паузами. Но в какой-то момент глаза открываются, плоская мешанина красок становится объемной 3D-картинкой окружающего безобразия, мозг включается и задается вопросами. Кто я? Где я? И что здесь делаю?

Ответы, как ни странно, приходят в обратном порядке.

Лежу. Голая. В чудной стеклянной капсуле, наполненной прозрачной жидкостью, по ощущениям похожей на глицерин, только куда плотнее.

И я вовсе не русалка, а человек по имени Василиса Олеговна Пасная, курсант третьего курса Грендонской космической академии.

И скорее не лежу, а плаваю в анабиозном желе. Дышу через кислородную маску, руки и ноги не шевелятся. Возможно, зафиксированы, как в операционной. На коже плотно сидят присоски с трубками, выходящими за пределы прозрачного аквариума. Они отражаются в изогнутых стенках моего саркофага...

Сквозь стенки видно плохо — помещение погружено в полумрак. В пределах видимости светились лишь экраны на стене, но изображения на них расплывались, как сияние фонарей под ночным дождем.

Анабиозная камера отличалась от тех образцов, которые нам показывали в академии, но не настолько, чтобы не опознать.

Почему я здесь — вопрос без ответа. Последнее, что помнилось, — это как драконид Аррадор тащил меня по отсекам небольшого планетарного корабля. Но на таких челноках не бывает анабиозных камер, только медицинские боксы первой помощи. Что же со мной случилось?

Голова пустая и звенит как колокол — непрерывно и гулко.

И лишь через какое-то время я осознала, что колокол звенит не по-русски, на каком-то непривычном рокочущем языке, и я его понимаю. И не колокол издает звуки, а наушники, закупорившие уши.

«Для закрепления материала мы повторим конспективно лекцию об иерархии галактической империи Эретар, или, по второму официальному названию, — Дома Золотой ветви. Система иерархии в империи не меняется вот уже два миллиона лет...»

Я резко дернула головой, наушник выскочил, и ухо залила желеобразная масса. От неприятного ощущения я снова непроизвольно дернулась. От кожи отлипли присоски, жидкость в капсуле помутнела, видимость ухудшилась.

Высокий звук взывшей сирены я услышала всей кожей.

Через мучительно долгое время сирена оборвалась, в помещении вспыхнул свет. Я услышала шипящий звук, с каким открываются изолированные отсеки на кораблях, в бомбоубежищах или в полностью защищенных операционных, и на капсулу упала тень: кто-то вошел.

И я сразу ощутила свою наготу — словно по мне проползла отвратительная мохнатая гусеница, которой мир интересен исключительно с гастрономической стороны.

Включился насос, отсасывающий анабиозную массу, а когда ее не осталось, крышка треснула по шву и отошла.

— Реанимационный период закончен, — оповестил механический голос на чужом языке, тем не менее я его отлично понимала.

— Добро пожаловать на мой корабль, аль-дэй Василиса, — на чистом русском и даже без акцента произнес незнакомый мужской голос. — Как вы себя чувствуете?

Я слегка, насколько позволяли трубки надетого на голову шлема, повернула голову вправо, на звук. Он серьезно ждет, что я отвечу с маской на лице и воздуховодом в гортани?

— Я знаю, вы меня слышите и понимаете, аль-дэй Василиса, — голос приблизился, но я видела лишь смутное пятно. Зрение почему-то не фокусировалось на предмете. — Энцефалограмма фиксирует активность вашего головного мозга.

Счастливым первым поздравить вас с возвращением в мир. — Он сделал паузу.

Как робот, ждущий запрограммированной реакции.

Но ее не последовало. Моим единственным желанием было прикрыться хотя бы простынкой и посетить дамскую комнату.

Незнакомец же продолжил безэмоционально, как по бумажке, рассказывать:

— Вы находитесь на флагманском корабле, я — его капитан, обращаться ко мне можно по имени и званию: ди-вир Эмбор. Мы приближаемся к цели нашего полета, поэтому система жизнеобеспечения вывела вас из состояния анабиоза. Сейчас наш корабельный врач, ру-вир Хорг, проверит ваше состояние, а ваша личная помощница, ру-тай Диيري, поможет одеться и освоиться.

Очень все... странно. В том числе имена. Корабль? Полет? Если я была в анабиозе, то... сколько? Но мысли были вялыми, как спящие глубоководные рыбы.

Отчитавшись, капитан покинул помещение — я услышала удаляющуюся тяжелую поступь и шипение опускающейся двери отсека. Надеюсь, теперь меня оденут.

Действительно, подошли два существа, повыше и пониже, оба в белых костюмах с золотыми нашивками, в намордниках. То есть, наверное, так выглядят их медицинские маски. Трудно сказать, кто из них мужчина, а кто женщина — у обоих были длинные заплетенные косы, перехваченные плотными повязками.

Пока я на них дивилась, из меня начали вытаскивать иглы, убирать трубки, клеммы, отсоединять провода. Последней сняли дыхательную маску и вынули воздуховод из гортани, а меня извлекли из стеклянного саркофага и переложили на кушетку.

И началось! Мне проверяли пульс, светили в глаза разноцветными фонариками, обследовали с ног до головы какими-то аппаратами. Может быть, и просвечивали. Затем мое несчастное тело подвергли настоящим пыткам — протирали, мяли, массировали, мазали всякой дрянью и снова протирали, закапывали что-то в глаза... А я послушно поворачивалась и вспоминала.

Мое проваленное испытание в лесу. Ураган. Боль... Но что-то невероятно важное ускользало.

Впрочем, и мое сознание тоже ускользало жирным угрем сквозь пальцы.

В конце концов в один прекрасный момент я просто отрубилась.

Очнулась в каком-то небольшом, слабо освещенном помещении. Совершенно пустые стены отсвечивали золотистым металлическим блеском, слабо проступали более темные узоры, складываясь в арабески, светился невысокий потолок. Я лежала под легким покрывалом, в рубашке — ну хоть одели, спасибо — и с минуту пыталась сообразить, что же не дает мне пошевелиться. Пока не поняла, что тревожит так сильно, до желания немедленно исчезнуть — чужой взгляд.

Жаркий, настойчивый, давящий, словно мне на грудь поставили древний железный утюг с раскаленными углями. Такой до сих пор хранился в лесном доме моей бабушки. Повернув голову, я встретилась с невероятно золотыми, словно светящимися глазами.

— Здравствуй, Василиса, — улыбнулся мне самый ненавистный во всей Вселенной мужчина.

Я молчала, лихорадочно соображая, какую линию поведения выбрать. Дело осложнялось тем, что о драконидях в общем и об этом золотоволосом и златоглазом представителе правящего дома Эретаров в частности почти ничего не было известно. Я и видела-то его в совокупности несколько часов, а разговаривала — несколько минут.

На вид ему можно дать лет двадцать пять, не больше.

Но между нашим Солнцем и звездой Тубан в созвездии Альфа Драконис, откуда явились на Землю дракониды, было кошмарное расстояние примерно в триста десять световых лет. Даже если корабль драконидов двигался со скоростью света, ему понадобилось самое меньшее триста десять лет, чтобы прилететь к нам.

Так сколько же лет этому гладкокожему и так похожему на человека существу на самом деле? Кстати, его светлые волосы, забранные в низкий небрежный хвост, стали явно длиннее с того дня, как он тащил на руках обессиленную и измученную меня в свой чертов корабль.

Я мысленно застонала, сообразив, что капитан сказал мне в анабиозной камере, — звездолет приближается к цели, то есть почти вернулся на родину, к звезде Альфа Драконис. А это значит, все, кого я знала на Земле, давным-давно мертвы... Мама, папа, брат Ярослав, прабабка Даромила... и даже один синеглазый репти...

Щеке стало горячо.

Скользющим движением златоглазый приблизился, сел на мою койку и осторожно вытер слезу. И вторую. А потом я запретила себе плакать.

Горячий и влажный от моих слез мужской палец меж тем опустил и погладил мне подбородок, слегка задел нижнюю губу...

— Не смейте, — призвав все свое самообладание, твердо сказала я и отвернула голову. — Вы меня похитили, но это не дает вам права нарушать мое личное пространство.

Он убрал руку... на мое бедро, провел легонько вверх по покрывалу, собирая его складками. Но, несмотря на нагло-захватнические действия, его голос прозвучал холодно и отстраненно:

— Послушай меня, аль-дэй, и не перебивай. Пока ты лежала в анабиозе, тебе давался ускоренный курс языка, культуры, этикета, иерархии и истории империи драконилов. Конечно, ты еще не научилась пользоваться этими знаниями, но умение придет быстро. И первое, что тебе нужно сделать, это вытащить вложенное в твою память знание о роли аль-дэй и их отношениях с аль-тарамми, повелителями. Тебе придется принять тот факт, мое сокровище, что в присутствии твоего

аль-тара у тебя нет и не может быть личного пространства.

Я подавила вспышку ярости. Может быть, напрасно. Но он что-то почувствовал, потому что рука медленно и неохотно убралась с моего бедра.

— Не будем начинать наши отношения с негативных эмоций, аль-дэй, — примиряюще сказал он.

— Мы вообще не будем их начинать.

— Ты же не глупа, Василиса. Глупых в космические академии не принимают, или они там не выживают, а ты все-таки окончила третий курс. Поэтому ты должна понять, что находишься очень далеко от Земли и полностью в моей власти. У тебя нет ничего и никого в этом мире, кроме меня.

— Ничего, кроме моего дара, не так ли? Иначе зачем я вам понадобилась? — прищурилась, что поделаться, душой я действительно не была.

Но он меня обломал, гад:

— Твой дар тоже пока ничто без полной инициации и соответствующей огранки. Но я уже начал работать над этим, и твой дар будет огранен как полагается.

И, пока я придумывала достойный ответ — а мозги после анабиоза еще туго шевелились, со скрипом, — драконид взял мою левую ладонь, бережно погладил и улыбнулся.

— Теперь ничто и никто не помешает твоей правильной инициации.

А я задохнулась от ощущения падения, боли и ошеломляющей потери. Лишь через миг осоз-

нала — это воспоминание, а не чувства здесь и сейчас. Потом вспышкой вспомнила все-все. И прохрипела:

— Он мертв? Ты убил его, да?

У визитера гневно раздулись крылья носа, но голос оставался спокойным.

— Не знаю, кого ты имеешь в виду. Я никого не убивал... специально. Но не поручусь за несчастный случай.

— Кольца нет!

Я потеряла левую руку. Обручального кольца, надетого на меня моим чешуйчатым врагом, не было. Оно всегда возвращалось! И мы с братом выяснили, что для него не существует расстояний. Кольцо Судьбы создано не людьми и, по словам прабабки Даромилы, существует не по физическим законам нашего мира. И, если его нет на моем пальце, вывод один: мне уже не из кого выбирать.

Я все терла и терла безымянный палец, как будто это могло заставить кольцо вернуться. А ведь когда-то его даже в царскую водку бросала, чтобы избавиться!

Драконид, заметив и оценив мой жест, усмехнулся с некоторой горечью, но ничего не сказал. Порывисто встал, отошел на шаг и, нажав на невидимую кнопку в стене, распорядился:

— Дири, подготовь ванну и ужин для альдэй. — Затем снова повернулся ко мне. — Ты сейчас слишком слаба, Василиса, и все воспринимаешь острее, чем в обычном состоянии. У нас бу-

дет почти месяц, пока звездолет пересекает зону молчания вокруг нашей планеты, где запрещены гиперпрыжки. За это время ты придешь в себя, окрепнешь и подготовишься к аудиенции, потом я представлю тебя императору и семье. А сейчас... отдыхай.

И ушел.

Бросил «Отдыхай!», как команду «Лежать!» своей собаке, и даже не поинтересовался моими желаниями. А я и спросить ничего не успела. Ни о том, зачем я вообще ему понадобилась, ни о том, сколько времени мы в пути по земному календарю... Надо было воспользоваться возможностью узнать хоть что-то, а я потратила время на бессмысленные препирательства. Мороженая каракатица, как же глупо!

Попыталась встать, но не удержалась на слабых ногах и, падая обратно на койку, что-то задела рукой. Прозвучал мелодичный гонг, и в каюте открылась еще одна дверь, которую я поначалу не заметила.

— Госпожа! — метнулась ко мне девушка в белом комбинезоне и с такой же белой косой, как у капитана. — Позвольте, я помогу!

И только сейчас, когда незнакомка обратилась ко мне на чужом, но так хорошо осознаваемом языке, я поняла, что и сама на нем только что говорила с Аррадором — абсолютно привычно, словно понимала с рождения.

Меня прошиб озноб, до дрожи. Стало до жути страшно. Язык — основа мышления, как нас учили

в академии. Первое, что изучает ксенолог, — способности общения иных существ, их языки, именно они дают возможность понять иной разум, другого способа нет, даже если этот разум заговорит с вами на вашем языке. Любой, кто изучал иностранный язык, понимает, что в него вшит менталитет другого народа.

В анабиозной камере во время беспамьяства мой разум, моя личность были совершенно беззащитны. И если я с легкостью «выучила» язык иной планеты, то что еще мне впаяли в мозг? Что я стала воспринимать как неотъемлемую часть себя?

Взять ситуацию с моим падением. Незнакомка не посмела притронуться ко мне без дозволения, и это показалось мне совершенно естественным! С каких пор я стала воспринимать себя как нечто высшее, к кому нельзя прикоснуться без разрешения?

— Как твое имя? — спросила, четко следуя всплывшему в голове знанию, что драконицы обращаются на ты к нижестоящим по социальной ступени, в том числе к детям, женам и любовницам, и на вы — к равным и вышестоящим, а также к женам вышестоящих.

Из этого следовало еще одно горькое понимание, что я для Аррадора — низшее существо, которое к тому же нагло хамит, говоря ему «ты» и нарушая иерархию в обращении. Любопытно, он стерпел и не поправил только потому, что мы были наедине? Или пока не стал усугублять негатив?